

*Посвящается шестидесятилетнему
юбилею фирмы Бринер и Ко.*

*Хочу в Харбине
жить хорошо.*

Стихи Е. Н. Рачинской.
Рисунки В. В. Кокшарова.

Г. ХАРБИН.
1940.

Отпечатано в городе Харбине
четырнадцатого декабря тысяча
девятьсот сорокового года в ко-
личестве ста экземпляров.

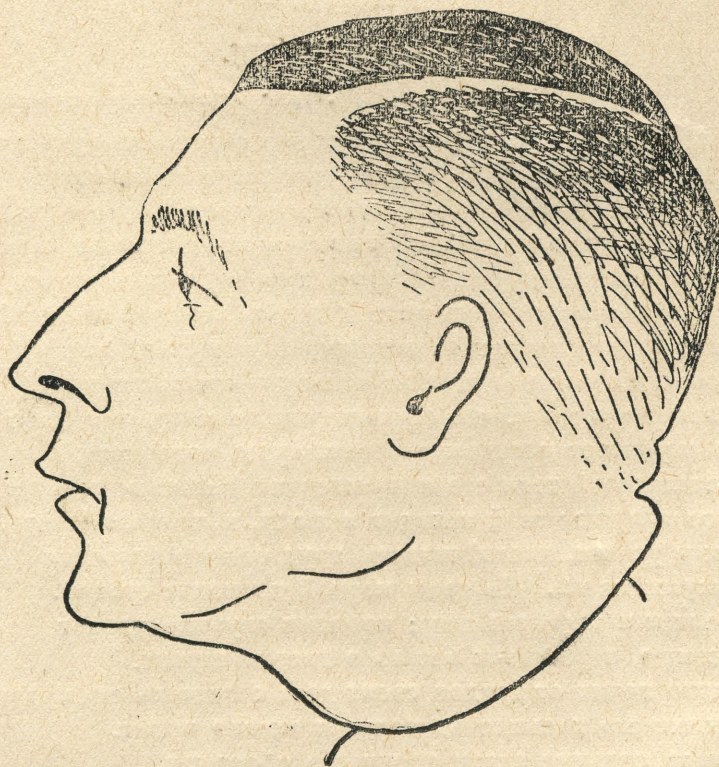

1880 1940.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

„Гекзаметра священные напевы...“

Нет, не героев, не битвы, не славные подвиги храбрых
Ныне, о муза, воспой в сладостно-звучных строфах!
В дни, когда грозно над миром кровавое Марсово око,
Грохотом взрывов и бомб слишком истерзан наш слух.
Где вы, картины иные, содружества мирных народов,
И созидательный труд их под сенью державной орла?
Ныне я труд воспеваю, строителей радостной жизни,
Знания и опыт несущих на пользу и счастье страны.
Сказано в притче, что семя горчичное мало, ничтожно, —
Но вырастает могучим деревом, куще подобным;
В сладостной тени его и на крепких ветвях многолистных
Кров и приют свой находят и люди, и птица, и зверь...
Так и усилъя, настойчивости, труд одного человека
Кажутся малы... Но годы мерной проходят стопой.
Крепнет и ширится дело; корнями глубоко уходит
В землю, вершина-ж весело в тверди шумит.
Мирно почил от трудов своих дела создатель премудрый,
Рук же его насаждение полно и мощно живет.
Новые, сильные ветви крону его образуют,
Зелено-нежны побеги, и многим, и многим изгнанникам,
Крова родного лишенным, служит убежищем дерево.
Пусть же и бури, и грозы, и злые, недобрые вихри
Счастливо мимо проносятся. Славься, прекрасное дерево,
В славный свой год юбилейный! Ширься, расти, и цветами
Снова для всех украшайся! Разума-ж, силы мужам,
Хозяевам дела рачительным, — добрым, прекрасным их
женам, —
Боги, как дар, ниспошлют много счастливейших лет!

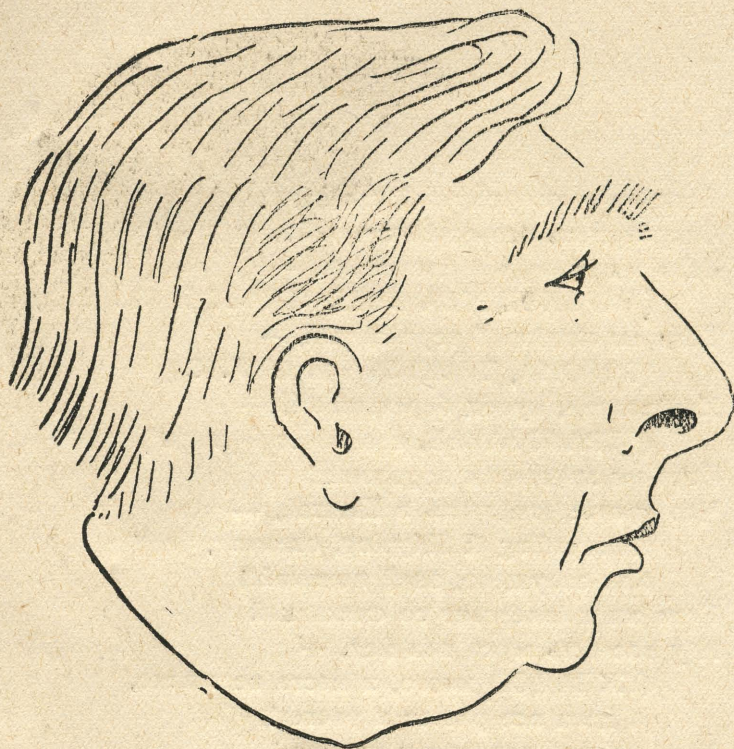

ЛЕОНИДУ ЮЛЬЕВИЧУ БРИНЕР.

Привет с берегов сунгарийских

от тех, кто признательным сердцем

Добрую память о Вас твердо и верно хранит.

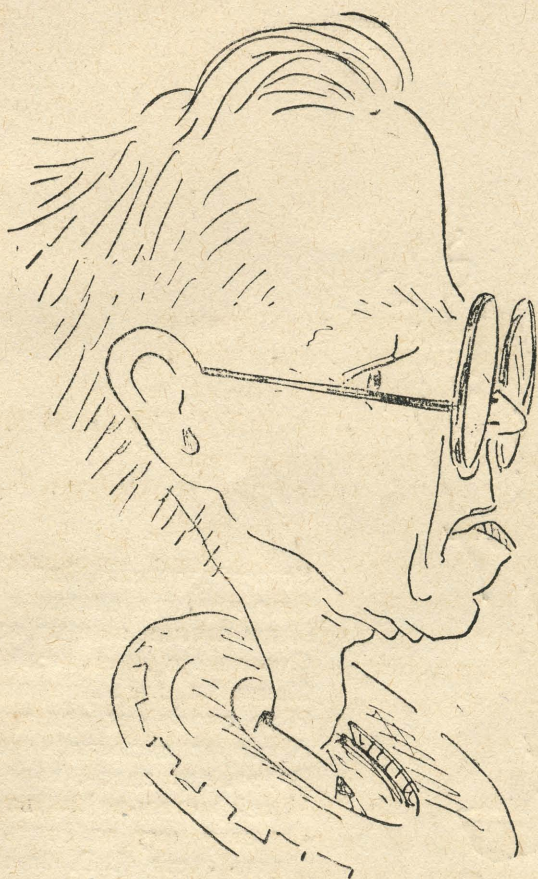

ФЕЛИКСУ ЮЛЬЕВИЧУ БРИНЕР.

„Феликс“ — счастливый...

Так пусть же на многие, долгие годы
Счастье, крылатый божок, спутником будет для Вас!

Если вы многоопытный странник,
Открыватель безвестных путей;
Если вы одинокий изгнанник, —
 (ПАРОХОДСТВА ВСЕХ СТРАН И МОРЕЙ!)
Если вы хлебоборб терпеливый, —
 (БОРОНА, ТРАКТОРА И ПЛУГИ!)
Иль хозяин, купец бережливый, —
 (СТРАХОВАНЬЕ, кто хочет — гори!)
Если вы хрусталем дорожите,
Что хотите отправить в Шанхай, —
 (Forwarding & Shipping, скажите,
 Как запущено, знай понимай!)
Если вы коммерсант со смекалкой
И у вас есть мука или мед, —
 (СКЛАДОВ много, и места не жалко,
 А цена все растет и растет!)
Коль хотите, солидно и прочно,
Дом построить, другим не в пример, —
 (Жги, не жги, не горит, как нарочно, —
 А названья не втиснешь в размер!)

Всем поможет любезным советом,
Обласкает, пригреет, поймет,
Фирма БРИНЕР, Китайская, угол
Конной, откуда и вход.
Там начищены медные доски,
Там машины, и ночью и днем,
И бока их в сиятельном лоске,
И бессменный ЕРШОВ за рулем.

Он всегда пунктуален и точен,
И спокоен, и быстр и остер...
Чуть картавит, (немного, не очень),
И свой холит лицейский пробор.
И там...

Встает туманная Аврора,
Еще контора сладко спит.
Ряды столов являют взору
Суровый и достойный вид.
Машинки, наглые трещетки,
И те спокойны под чехлом.
А кто отплясывал чечетку
Вчера, вот здесь, перед концом?
И сейф стальной объят дремотой:
Он стар, ему работать лень!
Опять счета, D/D, банкноты!
Но... близится рабочий день.
Встает Иосиф полусонный
Взглянуть, в порядке-ль кабинет,
И обмахнуть метелкой тонной
Привычной пыли тонкий след.
Он бой хороший и прилежный,
Но он философом рожден,
И с злом всеильным, неизбежным,
В борьбу вступать не любит он.

И первым шествует в контору
КУДРЯВЦЕВ, сон преодолев.

Он пренебрег немым укором
Суровых дам, печальных дев...

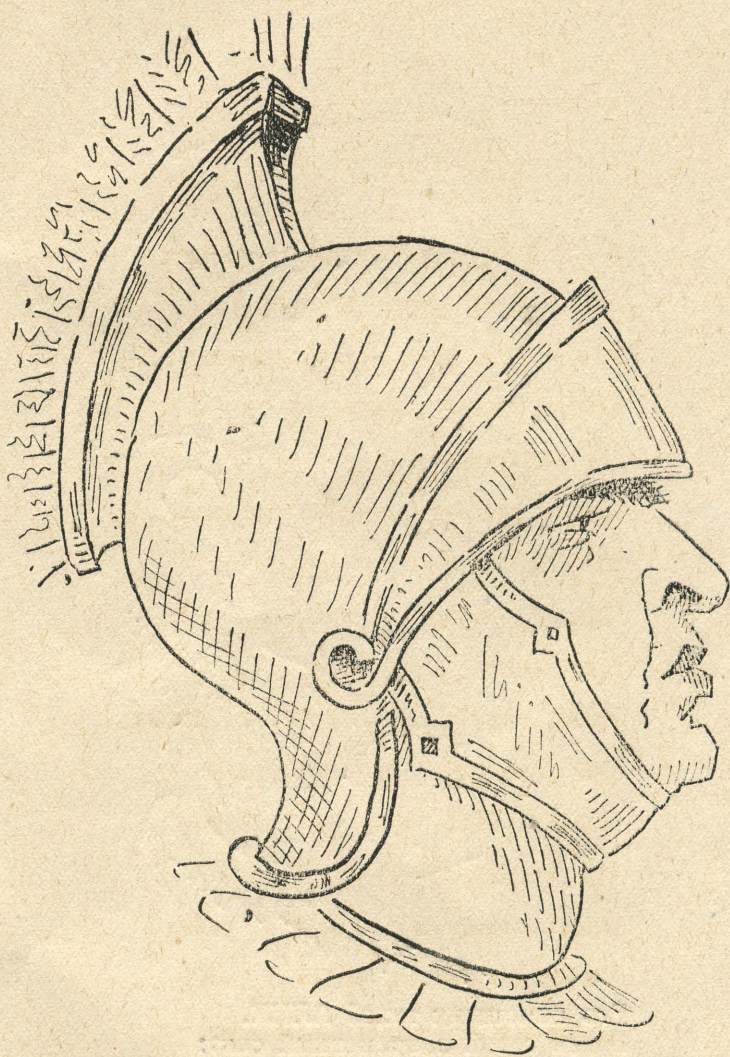
С восьми строчить он начинает
И к девяти, без лишних слов,
Он материал подготавливает
Для сотни свежих полисов!

Ему НАТАША помогает.
Она ему верна, как тень!
Она не спит, не доедает,
Забыла отдых, флирт и лень,
И лишь в минуту передышки
Подарит взглядом серых глаз
Коллегу грузного с одышкой,
Увы, не вас, увы, не вас!!!

Спешат другие, кто вразвалку,
Кто строго, четко, как солдат;
Кто опираясь на палку,
Кто взгляд метнув на циферблат.
Уж дробь рассыпали машинки,
Уж сейф раскрыл немую пасть,
Уж обсудили под сурдинку
Друзья „немецкую напасть“,
Уже просмотрены газеты,
Уже на месте Трак. Отдел,
Уж дамы выдали секреты
Своих сердечных тайн и дел;
Уже звонки из кабинета,
Уж телеграммы ждут, — и вот,
К труду любовью согрета,
Скрипя, пошла машина в ход.

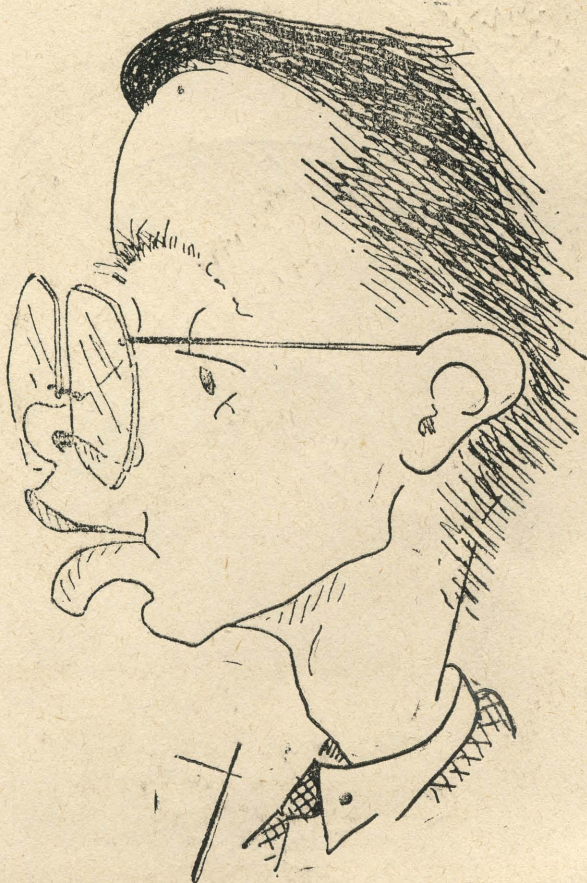
Уж в кабинете профиль строгий
Над кипюю бумаг склонен...
Как в Рим, туда ведут дороги
Отделов всех; просторен он,
Он полировкой блистает
Своих столов; он чинно строг...
И сердце робко замирает
Того, кого судьба толкает,
Переступить его порог.
Здесь мозг и центр конторы нашей,
Все нити здесь в одних руках,
Здесь судьбы всех, моя и ваши,
На строгих взвешены весах.
Здесь рождены проспекты, планы,
Проектов смелых шумный рой;
Сюда и званный, и незванный,
Идет за манною земной.

Отсюда делом управляет,
Как „добрый муж“ минувших лет,

— БОРИС ЮЛЬЕВИЧ БРИНЕР —

Чей профиль мне напоминает
Чеканку римскую монет.
Ему пошел бы без сомненья
(А это далеко не всем),
Как символ смелого хотенья,
Крылатый, гордый, римский шлем!

Его помощник тихий АЛИК,
В нем гений современный спит:
Любой он штифтик, винтик, валик
Вам вмиг свинтит и развинтит.
Второго Алика, ручаюсь,
На свете не было и нет!
И вкус отменный обличает
Одежд его нежнейший цвет.

Но перейдем к другим напевам, —
Контора за стеной шумит.
Кругом, направо и налево,
Работа уж давно кипит.
Здесь царствует и управляет,
Всегда изысканно одет,

— АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ОСТРОУМОВ —

Как равнодушно он взирает
На бранный мир земных сует...
Но часто, долг свой выполняя,
И жертвуя для Фирмы всем,
Под грузом дел изнемогая,
Спать не ложится он совсем...
А утро новое настанет,
И вновь, с иголочки одет,
Все так же холодно взирает
Он на постылый Божий свет.

Сегодня Бух. Отдел в работе:
Очередной строчит отчет,
Который (как всегда в природе),
На целый месяц отстает.

И ЖЕРНАКОВ, считая сроки,
Рычит: „Опять Мукден подвел!
„Все тунядцы, лежебоки!
„Один работаю, как вол!!
„Ах, ноет сердце, силы нету,
„Приходит мой последний час...“
Молчание ему ответом,
Сидят, не поднимая глаз.

А ТИХОНРАВОВ пишет, пишет...

(Он мне своим усердьем мил).

Но по привычке (тише, тише...)

Он дебет в кредит закатил!!!

Но в этом храме современном,
Где золотой стоит телец,
Скажите, кто всегда, бессменно,
Его верховный, первый жрец?
Кто сыплет золото без меры?
Кто держит власть в своих руках?
Кто строг, кто тверд, кто скуп, кто верен?
Кто ходит в роговых очках?
Чей взгляд суров и беспристрастен?
Кто презирает грешный мир?
Кто нужен всем и всем опасен?
То Н. ГОЛОВЧИЦ, наш кассир!!!

БУЛГАКОВ... Странное волнение
Мне грудь теснит... Нет, не для битв,
Он создан был для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Так Бухгалтерии квартетом
Участок занят угловой,
Где всем ошибкам, всем прорехам,
Реестр ведется роковой.

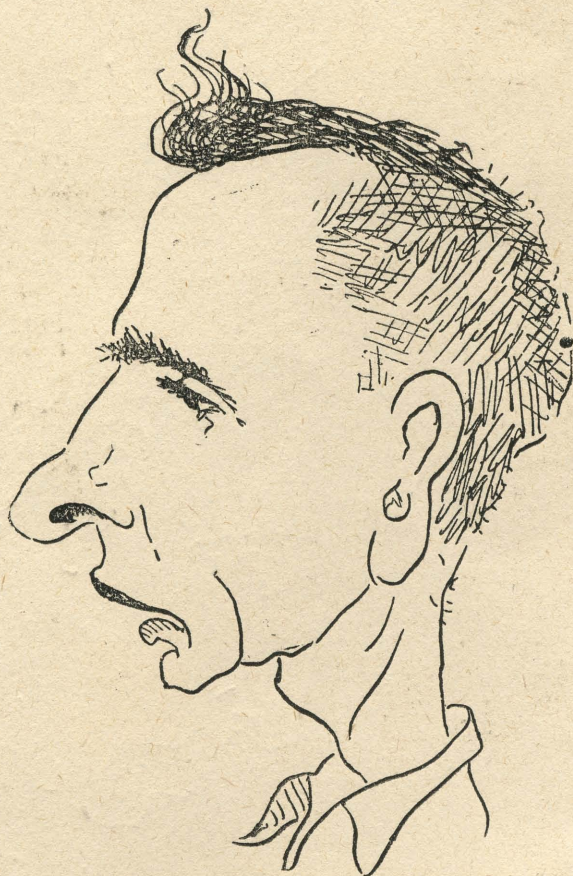

По чину, возрасту, заслугам,
За нею — Транспортный Отдел.
Обременен он выше меры
Плеядой сложных, трудных дел...

Но СИДОРЧУК, рукою властной,
Ведет корабль, туда, туда,
Где ропот струй, где небо ясно,
Где есть и травка, и вода...
Но нет ни цифр, ни дат, ни веса,
Коносаментов, полисов...
И где на фоне темном леса
Стада изысканных коров.

Его помощник юн и статен,
Взыскует знания, полон сил...
Нам всем любезен и приятен
Чуть-чуть насупленный КИРИЛЛ.

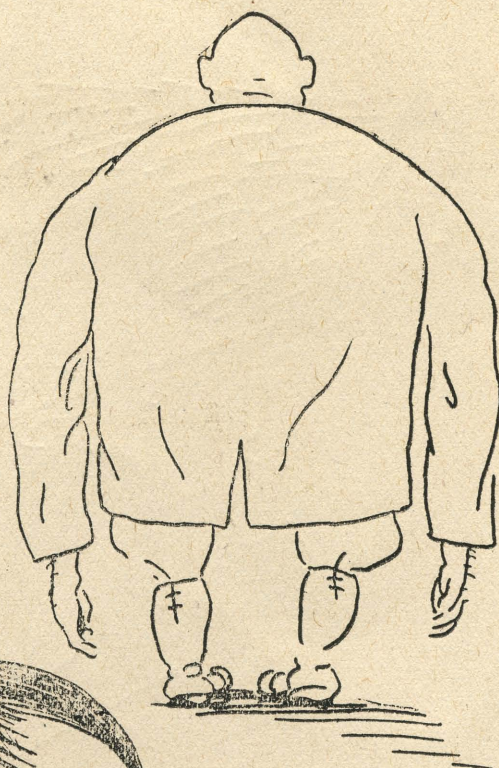
И тут же, в непонятном раже,
Строчит, не покладая рук, —
(Зачем? Кому? Как знать? Кто скажет?)
Наш переводчик ИГНАТЮК!

Но кто всех молодых моложе,
Кто вечно весел? Полон сил?
Любимец дам, их любит тоже?
Кто сердцу их, как сахар мил,
Как уголь, масло, спички, мыло,
Как то, о чем молчать хочу?
СТЕМПКОВСКИЙ, тот, кого сгубила...
Но мимо... тайна... я молчу!

Здесь склады помя-
нуть уместно,
Хоть далеко они от
нас.

Там ЗАГИБАЛОВ,
кто прелестно
Здесь фигурирует
„en face“.
Он рыболов, охотник
страстный,
С хитринкой; впро-
чем... очень мил!

СУРМЕЛИ там, для
дам опасный,
Он Ольгу милую
пленил.

И возвращаясь к Страх. Отделу,
Скажу про МИТИНА, что он
Душой всецело предан делу,
Всецело в цифры погружен.

Увы! Он чужд страстей угара,
Как с ним ни бейся, все равно!
Свое он сердце от пожара
Застраховал давным-давно!

А ГАШЕВ, с мягкой улыбкой,
Свои репорты пишет так,
Разукрашает так убытки.
Что Гоголь перед ним простак!

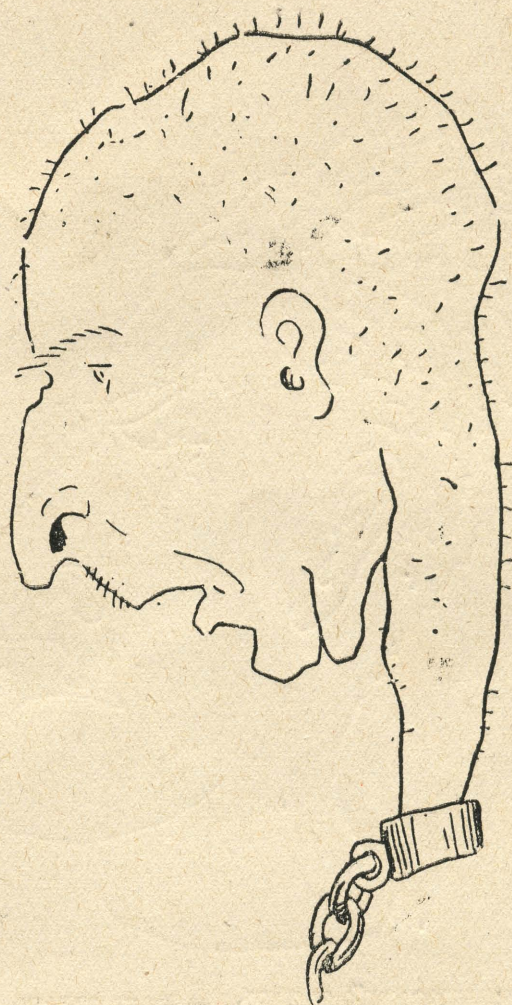
Но он душой в иных пределах:
Он страстью к рыбкам одарен,
И дань отдавши долгу, делу,
Лишь в рыбках видит счастье он.

Румяный КОСТИН, взгляд лукавый...
Но что могу о нем сказать?
Ведь он так молод!!! Боже правый,
Так молод, что... молчу опять!!!

Вот БЕРДНИКОВ солидней, строже,
Бараний любит с кашей бок..
Но и „чифан“ китайский тоже
Ему идет наверно впрок!!!

Степного коршуна в неволе
Он мне всегда напоминал.
О АТАМАН! Завидной доли,
Своей судьбы ты не узнал!

И вот как коршун дикий ныне
На злую цепь посажен ты.
И горьким запахом полыни
Напоены твои мечты...

ЦИВИНСКИЙ ИГОРЬ, — рост атлета,
Фигура мощная борца.
Но обличает нежны лета
Румянец девственный лица,
И дань безумствам романтичным, —
(Паденье, срывы, бездна, взлет...)
Он, как и водится обычно,
У ног блондинки отдает.

Спешу, строчу, забыв о деле,
Уж недоволен Жернаков.
Но все-ж о Тракторном Отделе
Сказать мне нужно пару слов.

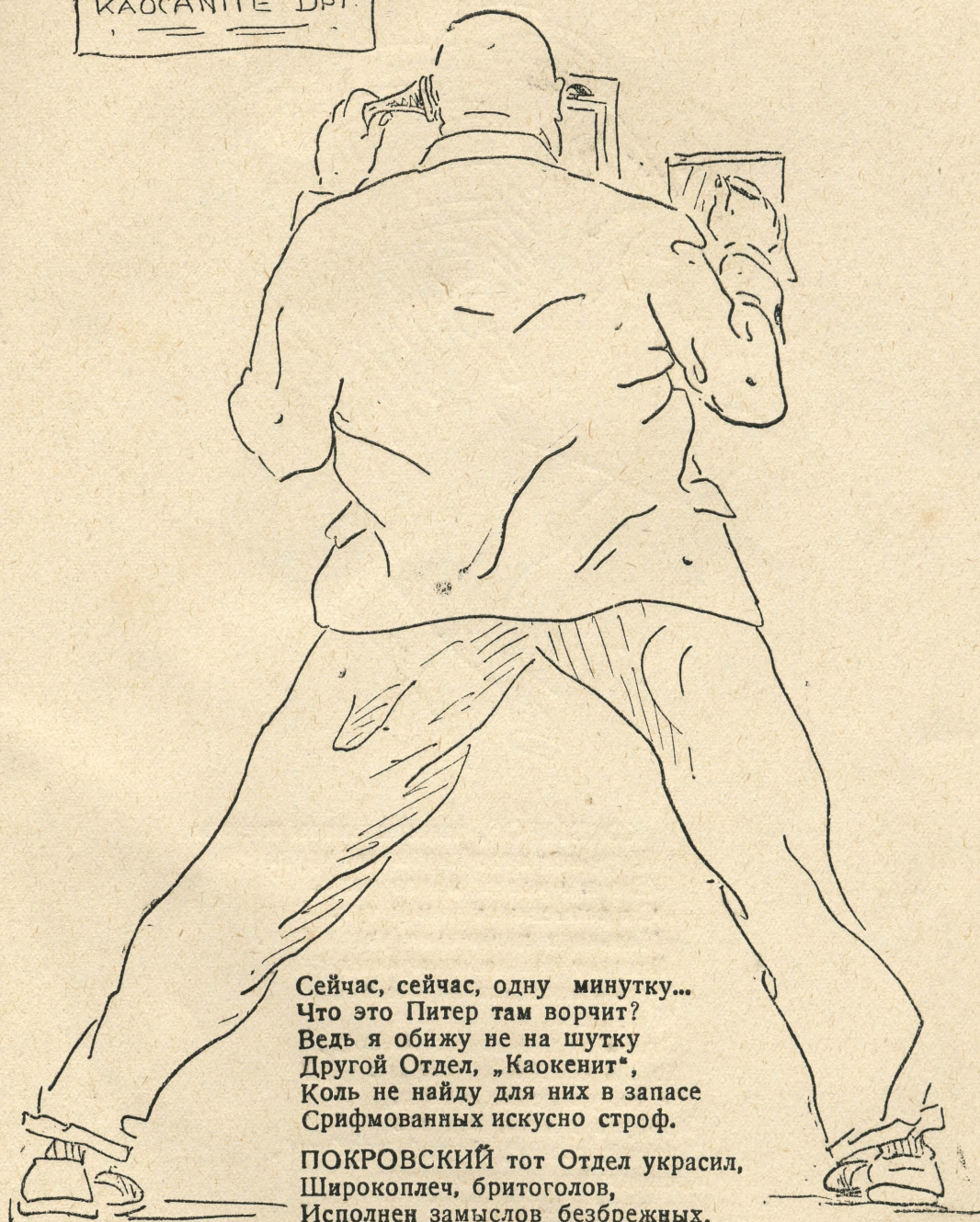
Ведь там ХМЕЛЕВСКИЙ заправляет..
(Володя, сердца не тревожь!)
Все что-то пишет, вычисляет,
И в то же время так хорош!!!
Что подтверждает словом, делом,
Он истину цитаты сей:
„Быть можно дельным человеком
„И думать о красе ногтей!“

А вот пример натуры цельной,
Он всем, всегда помочь готов...
Спокойный, выдержанный, дельный,
Его помощник КОПЫЛОВ.
Таких людей на свете мало,
Со всеми ровен и учтив...

К особенностям principala
Необходимый корректив!

КАОКАНИТЕ DPT

Сейчас, сейчас, одну минутку...
Что это Питер там ворчит?
Ведь я обижу не на шутку
Другой Отдел, „Каокенит“,
Коль не найду для них в запасе
Срифмованных искусно строф.

ПОКРОВСКИЙ тот Отдел украсил,
Широкоплеч, бритоголов,
Исполнен замыслов безбрежных,
Всегда в расчеты погружен..
С Каокенитом неизбежным
Шопена совмещает он.

КОКШАРОВ, чьим талантом свежим
Украшен этот скромный труд.
Его мы видим много реже,
Он разъезжает там и тут...
Мелькнет движеньем угловатым,
Блеснет разрезом смуглых глаз,
Чуть улыбнется плутовато,
И поразит, меня и вас,
Огнем карикатуры смелой...
Но... я боюсь его сейчас:
Не то, уверенно, умело,
Изобразит меня как раз
Хромой, слепой, глухой, горбатой,
Косноязычной, глуповатой,
И в этом виде я тогда
Войду в анналы навсегда!

И там, в молчаньи, КУЗНЕЦОВ
Молчит, не трата лишних слов.
„Скользит, без звука и следа,
„Зовет и манит, но куда?“

И ЗВОННИКОВ молчит сурово,
Но он одной мечтой пленен:
„Виктория!“ Какое слово!
Всегда девиз его знамен.

И тут же рядом, в келье малой,
Наш Горный помещен Отдел.
Он не стяжал бессмертной славы,
Он не свершил великих дел...

Но, горных духов заклиная,
Всегда улыбчивый без слов,
На день грядущий уповая,
Здесь благоденствует СМИРНОВ.

А за пределами конторы
Шумит завод „Каокенит“...
Там наш КОЗЬМИН, скрывая взоры,
Бровями молча щевелит...

Там БОБУС, деловит
и точен,
Следит за всем, за
всем следит,
И, право, он солиден
очень,
Хоть не совсем со-
лиден вид,

И ГАМРЕКЕЛИ над
счетами
Трудится целыми
ночами...

Но Тихонравову никак
Не может угодить
бедняк!

И, наконец, читатель милый,
Мы с вами перейдем туда,
Где мы „страдали и любили“,
Где сердце наше навсегда,
Где центр рабочий всех Отделов,
Где все находит отклик свой,
Куда, по делу, иль без дела,
Заходит каждый чередой.
Но чей там голос, всех милее,
Навстречу нам? (Пожар? Горит?)
„Эй, Толстый Лю! Да ну, живее!
„Неси на подпись, скоро три!
„Ведь вот послали писем кучу.
„Зачем? Кому? Несут опять!
„О, Боже мой! Как не наскучит?
„А я... извольте отправлять!!!“

О голос! Для меня отныне
Ты символ бодрого труда.
Звучи всегда, всегда, как ныне,
Не умолкая никогда!!!
Пусть, приближаясь по Китайской,
Или держа по Конной путь,
Всегда я слышу голос райский:
В нем смысл, в нем цель,
 в нем соль, в нем суть!
И проплывает, словно пава,

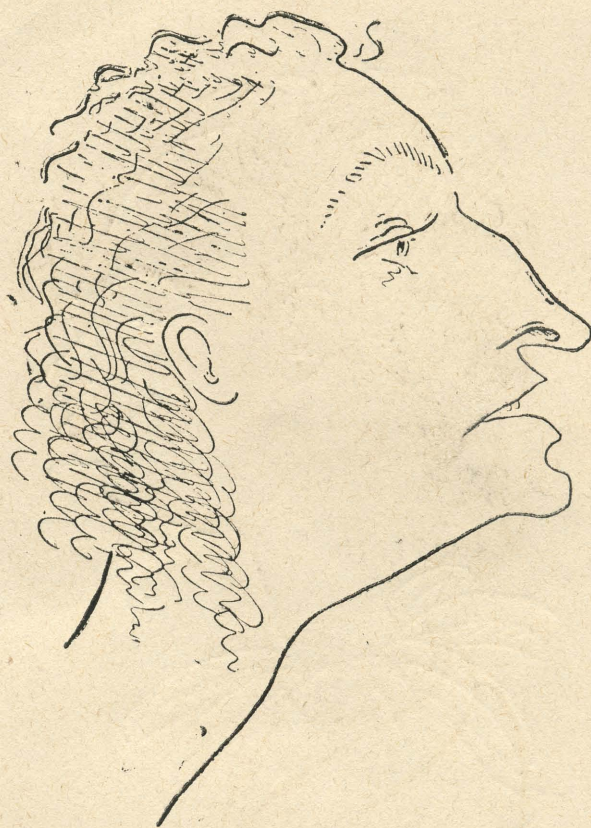

Сам ТОЛСТЫЙ ЛЮ... Он не спешит.
Его осанка величава.
Его достойный внешний вид
Нам гарантирует кредит.

Итак, начнем, набравшись силы.
Пятнадцать долгих, долгих лет,
Фон ГАЛЛЕН („фон“, читатель милый),
Здесь выполняет свой обет:

Быть верной, деловой и строгой,
Высоко Фирмы стяг держать,
Не разговаривая много,
Всегда все знать, всегда все знать.

КАРНАУХ ОЛЬГА, чьи наряды
Всегда последней моды писк.

Но ей других нарядов надо,
Ей нужен блеск, движенье, риск...
Ей тесно в мире, где такая
Порою выйдет полоса:
Весь день-деньской, тоска какая,
Строчить устало полиса!

Вот БУТИНА... В ней много силы,
Движенья, (так и рвется в бой);
Ах, где плененный до могилы
Один... красивый... молодой...
Но это тайна... умолкаю...
Но все-ж неполон наш квартет.

А что сказать, сама не знаю,
О той, что пишет сей памфлет?

Что сердце у нее не камень
И расточает даром пламень,
А нрав не сахар и не мед?
(Да, это Трансп. Отдел поймет!)
И что стихи-то плоховаты,
И рифмы тоже... слабоваты?

Но это, и еще, увы,
Все скажете, конечно, ВЫ!!!

Пора кончать, уж три пробило.
Увы, напрасно Жернаков
Нас поучал, твердя уныло:
„Работать надо без часов.
„Работать надо с упоеньем,
„Сидеть, не разгибая спин!“
Мы полны жизни, оживленья,
(А он нажил жестокий сплин),
И ровно в три, закрыв машинки,
Всех увлекая за собой,
Мы, без задержки, без заминки,
Стремимся весело домой..

Минуют сроки... Жизни плети
Разгонят нас кого куда,
И станут милы сердцу эти
Неповторимые года.
И вот тогда — необычайно —
Мы с вами встретимся опять,
Когда раскроете случайно
Вы эту тонкую тетрадь.
